

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-4-59-71

УДК 323.28

Содержание статьи

Информация о статье

*И.И. Мединцев*¹
*А.Н. Старостин*²

Введение
Исламизм, салафизм, исламский
радикализм
Портрет уральского террориста
Заключение

Поступила в редакцию: 28.10.2019.
Передана на рецензию: 02.11.2019.
Получена рецензия: 25.11.2019.
Принята в номер: 17.12.2019.

Причины вовлеченности отдельных мусульман Свердловской области в террористическую деятельность (по материалам возбужденных УФСБ России по Свердловской области уголовных дел по статьям террористического характера)³

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
medintsev@list.ru ;

Уральский государственный горный университет; alisheria@yandex.ru

В связи с деятельностью международной террористической организации «Исламское государство», запрещенной в Российской Федерации, в период с 2013 по 2017 гг. наблюдалась активизация сторонников распространяемой ею идеологии, в том числе и на территории Свердловской области. Данные лица совершили или намеревались совершить ряд преступлений террористической направленности, в результате чего были задержаны правоохранительными органами и осуждены к различным срокам лишения свободы. В статье предпринимается попытка использовать материалы возбужденных Управлением ФСБ России по Свердловской области уголовных дел в качестве источника, на основании которого анализируются причины и характер вовлеченности жителей Свердловской области в террористическую деятельность, выделяются различные типы сторонников террористических организаций.

Ключевые слова: *идеология, исламизм, салафизм, терроризм, джихад.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-4-59-71

UDC 323.28

Content of the article

Information about the article

*I.I. Medintsev*⁴
*A.N. Starostin*⁵

Introduction.
Islamism, Salafism, Islamic radicalism.
Portrait of a Ural terrorist.
Conclusion.

Received: 28.10.2019.
Submitted for review: 02.11.2019.
Review received: 25.11.2019.
Accepted for publication: 17.12.2019.

¹ *Иван Иванович Мединцев* – соискатель кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;

² *Алексей Николаевич Старостин* – доцент кафедры теологии Уральского государственного горного университета, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат исторических наук.

³ Управление Федеральной службы безопасности.

⁴ *Ivan Ivanovich Medintsev* – external postgraduate student at the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University.

⁵ *Alexey Nikolaevich Starostin* – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Theology, Ural State Mining University.

**The Causes of Muslims Participation in Terrorist Activities in Sverdlovsk Oblast
(Based on the Materials of Anti-terrorism Cases
Initiated by the Federal Security Service Agency)⁶**

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; medintsev@list.ru
Ural State Mining University; alisheria@yandex.ru*

Due to the activities of the international terrorist organization «Islamic State» (ISIS) banned in the Russian Federation, supporters of its ideology became more active including in the territory of Sverdlovsk Oblast during 2013-2017. They committed or intended to commit a number of terrorist attacks and therefore were detained by law enforcement bodies and sentenced to various terms of imprisonment. Using the materials of the criminal cases initiated by the Department of the Federal Security Service (FSB) of Russia for Sverdlovsk Oblast, the authors attempt to identify the reasons and the nature of Sverdlovsk Oblast residents' involvement in terrorist activity and categorize the supporters of the terrorist organizations.

Keywords: *ideology, Islamism, Salafism, terrorism, jihad.*

Введение

Процесс религиозного исламского возрождения является одной из важнейших глобальных тенденций современности. В результате этого с 1970-х гг. на мировой геополитической арене появляются исламистские группировки, имеющие различные цели и задачи в зависимости от региона своей деятельности. Многие из них используют террористические акты как часть джихада, который они ведут против своих противников. Идеологи этих групп прикрывают террористические действия религиозными лозунгами. В настоящее время наиболее печальным их наследием является международная террористическая организация ИГИЛ, деятельность которой запрещена в России и во многих странах мира, а также многочисленные менее известные экстремистские, террористические и такфиристские объединения.

Исламизм, салафизм, исламский радикализм

Исследованию феномена исламизма и исламистских групп посвятили свои труды многие авторитетные западные и отечественные исследователи, среди которых, в частности Ж. Кеммель [15], О. Руа [22], Д. Пайпс [6], Д. Эспозито [3; 4], Р. Мейджер [5], А. Игнатенко [11; 12; 13], А. Малащенко [16; 17] и ряд других.

Многие западные исследователи между салафизмом и джихадизмом ставят знак равенства, при этом выделяя в отдельную категорию ваххабизм. В публикациях некоторых современных иностранных ученых-исламоведов салафитское течение ислама разделяется на более мелкие и узкоспециализированные фракции, отличающиеся друг от друга (более или менее радикальным) толкованием жизненно важных вопросов салафизма при неизменном следовании основному стержню доктрины.

Так, Майкл Р. Диллон в своей работе «Ваххабизм – фактор распространения глобального терроризма?» выделяет в указанном движении такие основные группы, как ваххабизм, неоваххабизм, салафизм, неосалафизм и исламизм [2, с. 27]. К. Викторovich разделяет салафитское движение на три основные фракции: пуристы, политикосы и джихадисты.

⁶ Office Of The Federal Security Service.

1) Пуританы (от лат. *puritas* «чистота» по аналогии с английскими протестантами-пуританами) проповедуют истинный, с их точки зрения, ислам, не преследуют никаких политических целей и отвергают насилие.

2) Политикосы, или политические салафиты выступают за создание богоугодного общества в рамках исламского государства, достижение которого возможно в результате политической борьбы

3) Джихадистские салафиты готовы к строительству исламского государства с оружием в руках, но таких, однако, очевидное меньшинство [7, с. 207, 209].

А. Дар выделяет еще одну достаточно важную группу – такфиристы. Они обвиняют в неверии (куфре) тех мусульман, которые не разделяют их идеологию. Это является главной отличительной чертой такфиризма от других исламистских течений [1, с. 29], что и привело к «демонизации» салафитов в академическом сообществе. В свою очередь, эта точка зрения активно поддерживается в средствах массовой информации. Фундаментальное арабское слово «салафия» становится нарицательным, отождествляя собой религиозного фанатика.

Муххамад аль-Бути проводит четкую границу между следованием примерам предков (салаф) как неотделимой составляющей исламской этики и мазхабоподобной концепцией салафизма. «Салафия – это новый мазхаб, изобретенный и привнесенный в религию Аллаха... данный мазхаб был сконструирован отдельными людьми под влиянием их личных склонностей и предубежденности во взглядах, после чего они заявили, что здание, воздвигнутое ими из кирпичиков,... вбирающее под свою крышу спасшееся исламское общество,двигающееся под наставничеством Писания и Сунны, и если некто склонится в пользу других вердиктов по спорным вопросам, то этого человека необходимо причислить к пропащим новаторам религии» [8, с. 221–222].

В данной работе используется понятие «исламский радикализм», которое, по мнению авторов, наиболее точно раскрыто И.П. Добаевым: «Исламский радикализм... – это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного» ислама по отношению к миру неверных вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников» [9, с. 29].

Причины и последствия распространения в нашей стране и на постсоветском пространстве идеологии исламского радикализма достаточно хорошо изучены и описаны в ряде исследований [24, 25]. Одной из причин стало уничтожение в советские годы системы исламского образования и утрата духовной преемственности. В СССР было единственное медресе на всю страну – Мир-и Араб в Бухаре, в которое ежегодно могли поступить лишь 6 человек из РСФСР. Когда в 1990-е гг. железный занавес рухнул, представители ближневосточных государств начали приезжать в Россию, чтобы переводить и издавать свои книги на русском языке (многие из них потом вошли в Федеральный список экстремистских материалов). Стали приглашать российскую молодежь бесплатно обучаться в медресе стран Ближнего Востока, сами начали преподавать во вновь открываемых медресе. Зачастую как раз в этой литературе и в процессе преподавания распространялись идеи исламского радикализма, в частности призыв ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на «праведных предков» («ас-саляф ас-салихун»). Все более поздние нововведения в религиозной сфере квалифицировались как «бида» (новшество, нововведение), например символично-аллегорическая трактовка Корана, многих практик суфизма, распространенного на Северном Кавказе, в Сибири и Центральной Азии (посещение могил «аулия», которое рассматривается как «поклонение мёртвым»); нежелательность и порицаемость традиции отмечать день рождения пророка

Мухаммеда – праздник Маулид ан-Наби, который широко распространен в тех регионах России, где проживают мусульмане. Сторонники радикального исламизма полагают, что зывание к пророку Мухаммеду или другим пророкам и праведникам ислама считается одним из проявлений ширка (многобожия).

В 1990-е гг. на арабов и россиян, отучившихся в арабских учебных заведениях, в российской глубинке смотрели чуть ли не на как живых сподвижников пророка Мухаммеда – настолько грамотными в вопросах богословия они казались. Однако когда в мусульманских общинах начались конфликты, так как та практика, которую усвоили выпускники зарубежных учебных заведений, резко расходилась с традициями, унаследованными стариками с дореволюционных времен (даже в форме совершения молитвы), когда молодежь под воздействием этих проповедей начала радикализироваться и отправляться в горячие точки, российское общество осознало серьезность этой проблемы.

Данные процессы были характерны и для Уральского федерального округа, где идеи радикальной интерпретации ислама также имели своих сторонников среди мусульман. На Урале вели свою деятельность сторонники различных экстремистских и террористических организаций, под идеологическим воздействием которых молодые люди в конце 2000-х – начале 2010-х уезжали на Северный Кавказ и в Афганистан [20, с. 47–71]. А когда свою пропагандистскую деятельность начали сторонники МТО «Исламское государство», то целью выезда стали Сирия и Ирак. По данным, опубликованным в открытых источниках, специалисты оценивают количество выехавших для присоединения к ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) жителей Уральского региона в 150–200 человек, правоохрнительными органами в регионах УрФО были обезврежены многочисленные вербовщики и целые группы последователей ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), готовившие террористические акты [14, с. 173].

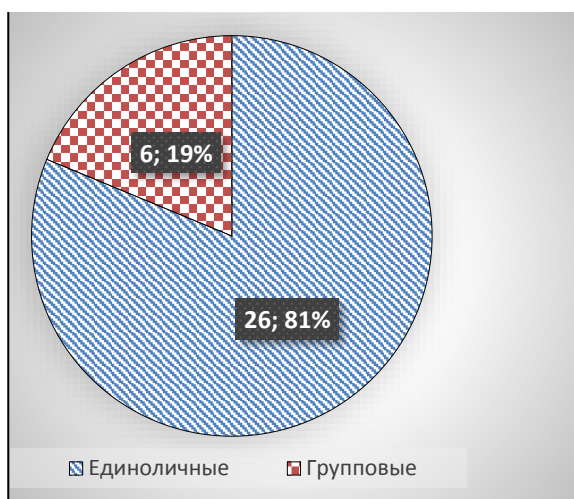

Диаграмма 1. Количество объектов

Портрет уральского террориста

Кто были эти люди? Как так получилось, что они попали под влияние радикального исламизма в его самой крайней интерпретации и готовы были пролить свою и чужую кровь во имя идеи построения Халифата «здесь и сейчас» или во имя любой другой идеи, внушенной им идеологами радикальных исламистских организаций?

Этими вопросами задавались многие исследователи. Так, М. Сейджман в своей работе «Сетевые структуры терроризма» тщательно проанализировал анкетные

данные 172 участников террористических организаций исламистского толка. Используя методы теории сетей, моделирования, судебной психологии и анализа различных источников, он чрезвычайно углубил научное понимание радикализации личности и идеологической мотивации террористов, готовых на совершение преступления [23].

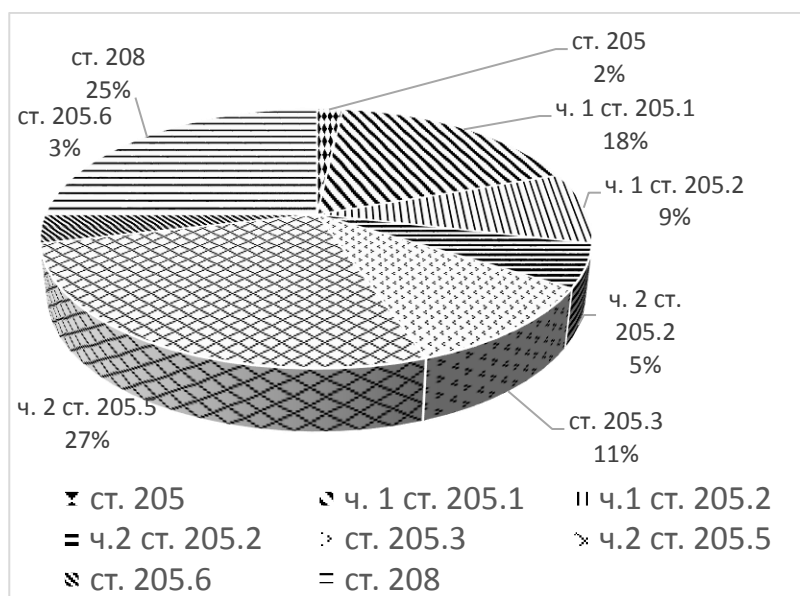

Диаграмма 2. Распределение по статьям Уголовного кодекса РФ

В Кыргызстане в середине 2010-х гг. в ходе полевого исследования были восстановлены биографии 25 «джихадистов», уехавших воевать в Афгано-Пакистанскую зону, Сирию и Ирак (проводились интервьюирования с родственниками и знакомыми данных лиц, а также непосредственно с теми, кто, побывав в «горячей точке», вернулся на родину и был привлечен к ответственности, также изучались различные документы, профили в социальных сетях и публикации в СМИ).

Выяснилось, что средний возраст кыргызстанских «джихадистов» составлял 22–25 лет. Большинство имело среднее, а некоторые даже высшее и неоконченное высшее образование, а также средний и выше среднего материальный доход. Авторы исследования пришли к выводу, что решение присоединиться к террористическим организациям принималось под воздействием множества факторов внешнего и внутреннего характера, среди которых вряд ли можно считать решающими факторами молодость, семейный статус, низкий уровень образования, бедственное экономическое положение и степень религиозности. Однако сочетание этих факторов и воздействие материалов из Интернета способствовали радикализации личности [10, с. 104–109].

Для того чтобы глубже понять механизм радикализации личности под воздействием исламистской идеологии, для выработки адекватных мер контрпропаганды и дерадикализации, в ряде стран СНГ проводятся исследования путем анкетирования и глубинных интервью с бывшими членами радикальных исламистских группировок, осужденными за преступления экстремистского и террористического характера, находящимися в местах лишения свободы, а также с членами их семей. В Татарстане такой работой занимается коллектив Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан [19]. В Казахстане – Казахстанский институт стратегических исследований⁷, а в Кыргызстане – Кыргызская государственная юридическая академия⁸. Результаты этих исследований пока в полном объеме не опубликованы и представлены научной общественности только в виде докладов на научных конференциях.

Между тем материалы уголовных дел, возбужденных против лиц за преступления террористического характера, еще не привлекались в качестве источника при изучении социального облика лиц, участвовавших в деятельности исламских радикальных организаций. Анализ данного вида источников дает очень интересную информацию.

⁷ Бейсембаев С. Роль исследований в профилактике насильственного экстремизма в Республике Казахстан // Доклад на международной научно-практической конференции «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности» (г. Нур-Султан (Астана), 04.04.2019).

⁸ Эсенаманова Н.С. Классификация осужденных за терроризм и экстремизм (по материалам полевого исследования, проведенного в местах лишения свободы в 2017 г.) // Доклад на международной научно-практической конференции «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности» (г. Нур-Султан (Астана), 04.04.2019).

Диаграмма 3. Распределение по статьям УК РФ

учета последующих выделений в отдельное производство) уголовных дела с террористической окраской в отношении 52 лиц, двое из которых не установлены. Объекты в возрасте от 19 до 54 лет (по расчету на 2018 год): 51 лицо мужского пола, 1 лицо – женского. Средний возраст осужденного за преступления террористического характера составил 32 года.

Согласно данным первой диаграммы, 6 уголовных дел – групповые (3, 4, 4, 2, 7 и 6 лиц соответственно), 26 заведены на отдельного объекта (2 из которых не установлены).

Распределение по статьям террористического характера представлено на следующих диаграммах:

Таблица 1

Статья УК РФ	ст. 205 ⁹	ч.1 ст. 205.1 ¹⁰	ч.1 ст. 205.2 ¹¹	ч. 2 ст. 205.2 ¹²	ст. 205.3 ¹³	ч. 2 ст. 205.5 ¹⁴	ст. 205.6 ¹⁵	ч. 2 ст. 208 ¹⁶
Количество	1	10	5	3	6	15	2	14

Из данных диаграмм 2 и 3 и таблицы 1 следует, что из 32 уголовных дел 12 возбуждены по одной из статей Уголовного кодекса РФ посвященных террористической деятельности (3 из которых – по ст. 208 УК РФ), 4 – по совокупности статей посвященных террористической деятельности УК, 9 – по совокупности со ст. 208 УК РФ, 3 – в совокупности со ст. 222, 222.1 УК РФ, 3 – в совокупности со ст. 222, 222.1, 228, 228.1

⁹ Террористический акт.

¹⁰ Содействие террористической деятельности (склонение, вербовка или иное вовлечение в совершение преступления, вооружение или подготовка лица в целях совершения преступления).

¹¹ Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма.

¹² Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

¹³ Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности.

¹⁴ Участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

¹⁵ Несообщение о преступлении.

¹⁶ Участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Диаграмма 4

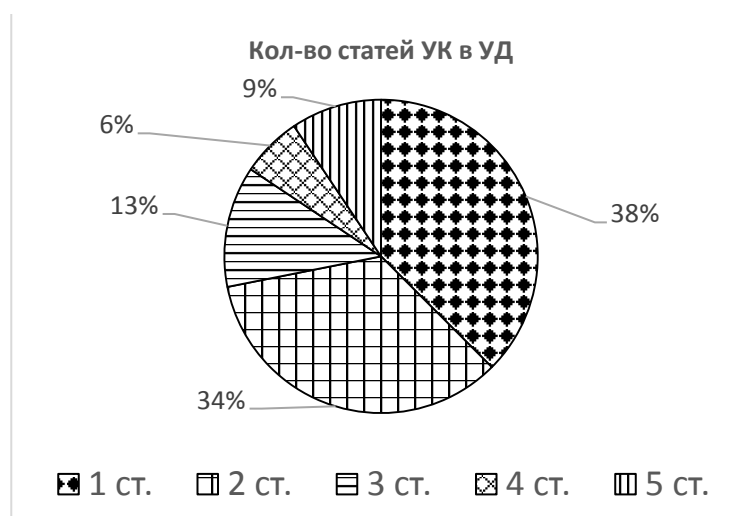

Диаграмма 5. Количество статей УК РФ в уголовных делах

УК РФ, 1 – в совокупности с иными статьями Уголовного кодекса (ст. 277, ст. 279). Анализ диаграмм 4 и 5 показывает, что из 32 уголовных дел 12 возбуждены по одной из статей Уголовного кодекса РФ посвященных террористической деятельности, 11 – по совокупности 2 ст. УК РФ, 4 – по совокупности 3 ст. УК РФ, 2 – по совокупности 4 ст. УК РФ, 3 – по совокупности 5 ст. УК РФ. То есть фигуранты 2/3 уголовных дел одновременно занимались различной противоправной деятельностью террористического характера.

Данные диаграммы 6, отражающей динамику возбуждения уголовных дел в Свердловской области по преступлениям террористического характера, очень четко соотносятся с общероссийской динамикой зарегистрированных преступлений террористического характера. Как видно, в период с 2013 по 2017 гг. происходит рост подобных преступлений, что связано в первую очередь с активной деятельностью сторонников «Исламского государства» в различных регионах мира. После военного поражения «Исламского государства» от сил двух международных коалиций (западной и российско-иранско-

сирийской) в 2018 г. количество преступлений террористического характера также пошло на спад.

Кто же эти люди? 30 осужденных являются гражданами Российской Федерации, 5 – Республики Таджикистан, 4 – Республики Кыргызстан, 1 – Республики Узбекистан, по 12-ти данные в материалах уголовных дел отсутствуют.

Статистические данные по национальности лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера, распределились следующим образом: 13 – русские, 9 – таджики, 8 – азербайджанцы, 5 – кыргызы, 4 – узбеки, 2 – татары, 1 – чеченец, 1 – ингуш. По 9-ти осужденным данные не представлены.

Диаграмма 6.

(1), машинист (1), обслуживающий персонал в школе (1). Двое осужденных являлись индивидуальными предпринимателями с высоким материальным достатком: в сфере организации быстрого питания, 1 – директором кафе. 10 осужденных не работали. Двое ранее судимы и приобщились к радикальному исламу в местах лишения свободы. 16 человек находятся в зарегистрированном браке, у 13 имеются дети.

В ходе анализа религиозной составляющей обвиняемых и осужденных по преступлениям террористического характера было установлено, что 43 лица исповедуют различные варианты идеологии радикального исламизма, 3 лица являются последователями ханафитского мазхаба суннитского толка в исламе и совершили противоправные деяния исходя из корыстных умыслов, либо в результате общения с близкими и родственниками, находящимися на территории Сирийской Арабской Республики (далее – САР), 6 человек

(фигуранты одного уголовного дела) не являются мусульманами.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что доминантными идеологическими установками в 100 % случаев у подсудимых являлись:

- строгое следование канонам ислама вплоть до фанатизма, совершение пятикратного намаза (обязательной молитвы мусульман), включая прекращение любой деятельности для его осуществления в любом месте и в любое время;

- идея ведения «вооруженного» джихада – священной войны против светского правительства как обязанность каждого истинного мусульманина для установления законов шариата;

- в связи с тем, что Российская Федерация является для указанной категории лиц страной куфра идея (неверия) совершения «хиджры» (переселения) в страну, где главенствуют законы шариата.

В 88 % случаев регулярное посещение мечети, в 86 % – презрение к иным конфессиям, в том числе последователям шиизма; необходимость ведения войны против светского правительства в местах проживания мусульман, а также осуждения светской жизни, в том

числе запрещение прослушивания музыкальных композиций, просмотра кинофильмов, отрицание праздников, не имеющих основания в исламе. В 84 % случаев выявлено осуждение мусульман, не разделяющих данных взглядов, а также принуждение их к этому, вплоть до полного разрыва отношений, в том числе и с родственниками. Идеология постройки Всемирного халифата присутствует в 79 % случаев, 51 % указали на необходимость проведения религиозных обрядов по подобию арабских стран (Королевство Саудовская Аравия), в 47 % случаев объекты при ведении своей пропаганды использовали высказывания Ибн Таймии, в 19 % случаев происходила «романтизация» образа боевика.

С учетом изложенного осужденный за преступления террористического характера в Свердловской области – это человек, являющийся мусульманином по рождению, либо представителем иной конфессии, изначально не придерживающийся религиозных канонов. Под влиянием трудных жизненных обстоятельств он ищет утешение в религии и в результате принимает ислам. Не имея прочных фундаментальных знаний и располагая поверхностным представлением об исламе, потенциальный террорист пытается найти ответы на свои вопросы в Интернете и попадает под влияние проповедников, формирующих искаженное понимание ислама. В результате возникает фанатичное, строгое следование внешним канонам ислама: регулярное посещение мечети, общение с единоверцами, доказывание превосходства мусульманской религии и образа жизни. При этом светские праздники, прослушивание музыки воспринимаются как запретные, относящиеся к категории «бида», то есть к нововведениям в исламе.

Со временем преобладающими установками становятся ведение «священной войны истинных мусульман» (джихада) для очищения ислама, свержения светского правительства и построения Всемирного халифата с установленными законами шариата. Страны со светским правлением объявляются зонами неверия (так называемого куфра), из которых необходимо совершить переселение (хиджру) на территорию Ближневосточного региона, при осуществлении которого мусульманину будет дано освобождение от имеющихся грехов. Представители иных конфессий: христиане, буддисты, евреи; последователи шиитского течения в исламе, а также мусульмане-сунниты, не разделяющие указанные выше взгляды, объявляются «кяфирами», то есть неверными, которые подлежат уничтожению.

В общении с окружающими эти люди стремятся навязать свое мировоззрение, представляя свои взгляды как единственно верные. В случае отказа принимать такую позицию они разрывают общение со всеми, включая близких родственников, считают их иноверцами. Религиозные обряды проводятся как в арабских странах, в частности в Королевстве Саудовская Аравия. Ценностные установки, как правило, сочетаются с религиозной безграмотностью, отсутствием фундаментальных знаний исламской истории, Корана, Сунны, незнанием арабского языка. Правомерность своих взглядов они доказывают при помощи вырванных из контекста аятов Корана, сомнительных хадисов, не опирающихся на иснад (совокупность ссылок на рассказчиков в сборниках хадисов), обращения к пропагандистским лозунгам, озвучиваемых представителями экстремистских террористических организаций.

Диаграмма 9. Идеологические установки

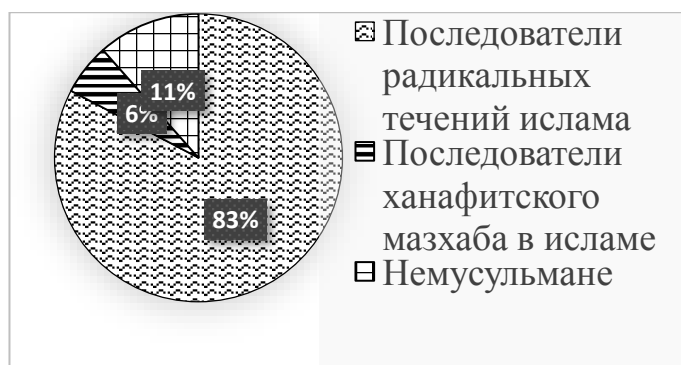

Диаграмма 8. Удельный вес последователей «радикальных» течений ислама

приверженцами мазхабоподобной концепции религиозно-философской мысли – салафизма, где граница между умеренными приверженцами и радикально настроенными элементами крайне размыта.

По нашему мнению, совокупность всех этих взглядов вкупе с идеей мирового угнетения мусульман и необходимости их всеобщего объединения для распространения на Земле единственно истинной религии – ислама является псевдомазхабной интерпретацией ислама, называемой салафизмом, в частности его крайнего радикального крыла – джихадизма (по классификации К. Викторовича). Иначе говоря, лица, осужденные за преступления террористического характера на территории Свердловской области, чаще всего являются

Заключение

Успешные действия России против международного терроризма на территории САР способствовали возвращению бывших боевиков на родину и их адаптации к мирной жизни. В этой связи представляется весьма вероятным их вхождение в спящие «салафитские» ячейки, которые будут заинтересованы в использовании боевого опыта, накопленного ими в период вхождения в «Исламское государство». На фоне неблагоприятных социальных условий и попыток адаптации бывших боевиков к мирной жизни в обществе складываются предпосылки радикализации под их влиянием и умеренных салафитов, их перерождение в так называемых «джихадистов». А это будет способствовать повышению уровня террористической опасности в нашем отечестве. Поэтому крайне важной представляется разработка комплекса мер профилактики и предупреждения радикализации отдельных верующих, входящих в группы риска.

Литература

1. *Dar A. J.E.* Is Da'ish a Salafi Group? A study of the development and conception of the ideology of ISIS // *Politics & International Relations*. Kingston University London, 2016/17. Thesis. – 35 p.
2. *Dillon M.R.* Wahhabism: Is it factor in the spread of global terrorism? Master's Thesis, Naval Postgraduate School. – Monterey, CA, 2009. – 81 p.
3. *Esposito J.* (ed.) *Voices of Resurgent Islam*. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1983. – 304 p.
4. *Esposito J.* *The Islamic Threat: Myth or Reality?* – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. – 243 p.
5. *Meijer R.* *Global Salafism: Islam's new religious movement*. – Columbia University Press, 2011. – 400 p.
6. *Pipes D.* *Militant Islam Reaches America*. – W.W. Norton & Company; paperback. 2003. – 326 p.
7. *Wiktorowicz Q.* *Anatomy of Salafi movement*. – *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006. – P. 207-239.
8. *Аль-Бути М.С.Р.* Салафия: пер. с араб. – М.: Ансар, 2008. – 240 с.
9. *Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г.* Радикализация ислама в Российской Федерации. – М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2013. – 332 с.
10. *Дубанаев Б.С.* О государственных мерах по противодействию вербовке граждан в ряды террористических и экстремистских организаций // *Научный портал МВД России*. – 2016. – № 2 (34). – С. 104–109
11. *Игнатенко А.А.* *ИнтерТеррор в России. Улики*. – М.: Европа; Институт религии и политики, 2005. – 112 с.

12. *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 207 с.
13. *Игнатенко А.А.* Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А.В. Малашенко и С.Б. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Неостром, 2005. – С. 176–221.
14. *Каранетян А.А., Старостин А.Н.* Деструктивная деятельность салафитской идеологии – на примере деятельности мечети «Рахмат» в г. Екатеринбурге // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 2 (41). – С. 171–184.
15. *Кеннель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. – 468 с.
16. *Малашенко А.В.* Надо ли бояться ислама? – М.: Весь мир, 2017. – 144 с.
17. *Монтаж и демонтаж секулярного мира* / под ред. А.В. Малашенко и С.Б. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 406 с.
18. Муфтий Татарстана предложил запретить ваххабизм // Региональное Духовное управление мусульман Пензенской области. 01.04.2018. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://muslim-penza.ru/index.php/news/11660-2018-04-01-15-36-36> (дата обращения: 11.05.2019).
19. *Патеев Р.Ф.* Научная деятельность Центра исламоведческих исследований АН РТ по изучению радикальной среды // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной Научно-практической конференции (г. Казань, 9–11 октября 2018 г.) / отв. ред. Р.Ф. Патеев. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. – С. 12–16.
20. *Попов Д., Старостин А.* Ислам и мусульмане Уральского федерального округа: риски и угрожающие факторы (аналитический доклад). – Екатеринбург, 2014. – 88 с.
21. Портал правовой статистики Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
22. *Рух О.* Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. – М.: Фонд Марджани, 2018. – 338 с.
23. *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 219 с.
24. *Силантьев Р.А.* К вопросу об экспансии радикальных форм ислама в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 22 (276). – С. 53–64.
25. *Силантьев Р.А.* Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16 (154). – С. 165–171.

References

1. Dar A.J.E. Is Da'ish a Salafi Group? A Study of the Development and Conception of the Ideology of ISIS. Politics & International Relations 2016/17. Kingston University London, Thesis. – 35 pp.
2. Dillon M.R. Wahhabism: Is it factor in the spread of global terrorism? Michael R. Dillon, Master's Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, CA 2009. – 81 pp.
3. Esposito J. (ed.) Voices of Resurgent Islam. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1983. – 304 pp.
4. Esposito J. The Islamic Threat: Myth or Reality? N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1992. – 243 pp.
5. Meijer R. Global Salafism: Islam's new religious movement. Columbia University Press, 2011. – 400 pp.
6. Pipes D. Militant Islam Reaches America. W.W. Norton & Company; paperback. 2003. – 326 pp.
7. Studies in Conflict & Terrorism. Anatomy of Salafi movement / Q.Wiktorowicz – Wahington, D.C., USA Copyright Taylor & Francis Group, LLC, 2006. pp. 207-239.
8. Al-Buti M. S.R. *Salafia*. Transl. from Arabic. Moscow. Ansar Publishing house, 2008. 240 pp. (in Russian)
9. Dobaev I.P., Dobaev A.I., Hajibekov R.G. *Radicalization of Islam in the Russian Federation*. Moscow-Rostov-on-Don: Social and Humanitarian Knowledge, 2013. 332 pp. (in Russian)

10. Dubanaev B.S. On Government Measures to Counteract the Recruitment of Citizens into the Ranks of Terrorist and Extremist Organizations. *Academic portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (34). 2016. Pp. 104-109 (in Russian)
11. Ignatenko A.A. *Counterterror in Russia. Evidences*. Moscow. «Europe» Publishing house; Institute of Religion and Politics, 2005. 112 pp. (in Russian)
12. Ignatenko A.A. *Caliphs without Caliphate. Islamic Non-governmental Religious and Political Organizations in the Middle East: History, Ideology, Activity*. Moscow. «Science», Department of Oriental Literature, 1988. 207 pp. (in Russian)
13. Ignatenko A.A. *Epistemology of Islamic Radicalism // Religion and Globalization in Eurasia* / ed. A.V. Malashenko and S.B. Filatov; Moscow: Carnegie Center. Moscow. Ne-Ostrom, 2005. Pp. 176-221. (in Russian)
14. Karapetyan A.A., Starostin A.N. Destructive Activity of Salafist Ideology – through the Example of Rahmat Mosque in Yekaterinburg. *Problems of National Strategy*. 2017, no. 2 (41). Pp. 171-184. (in Russian)
15. Keppel J. *Jihad. Expansion and Decline of Islamism*. Moscow: Ladomir academic publishing center, 2004. 468 pp. (in Russian)
16. Malashenko A.V. *Should We Be afraid of Islam?* Moscow: Entire World, 2017. 144 pp.; (in Russian)
17. *The Installation and Dismantling of the Secular World* / ed. A.V. Malashenko and S.B. Filatov; Moscow: Carnegie Center. Moscow. Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2014. 406 pp. (in Russian)
18. Mufti of Tatarstan Proposed to Ban Wahhabism. *Regional Spiritual administration of Muslims of the Penza region*. 01.04.2018 Electronic resource. URL: <http://muslim-penza.ru/index.php/news/11660-2018-04-01-15-36-36> (reference date 11.05.2019). (in Russian)
19. Pateev R.F. Research Activities of the Centre for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Regarding Extremist Environment. *The Experience of Deradicalization and Reintegration of Supporters of Extremist and Terrorist Ideologies: Proceedings of International research to practice conference. Kazan, October 9-11, 2018* / Rev. R. F. Pateev-Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of RT, 2018. 368 pp. 12-16. (in Russian)
20. Popov D., Starostin A. *Islam and Muslims of the Ural Federal District: Risks and Threat-forming Factors (analytical report)* / D. Popov, A. Starostin. Yekaterinburg, 2014. 88 pp. (in Russian)
21. *The portal of legal statistics. Electronic resource*. URL: <http://crimestat.ru> (reference date: 11.05.2019) (in Russian)
22. Roy, O. *Globalized Islam: in Search of a New Ummah*. Moscow. Marjani Foundation, 2018. 338 pp. (in Russian)
23. Sageman M. *Network Structures of Terrorism*. Moscow. Idea-Press, 2008. 219 pp. (in Russian)
24. Silantiev R.A. To the Issue of Expansion of Radical Forms of Islam in the Russian Federation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012, no. 22 (276). Pp. 53-64. (in Russian)
25. Silantiev R.A. the Spread of Wahhabism in Contemporary Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009, no. 16 (154). Pp. 165–171. (in Russian)